

На правах рукописи

МЕЛЬНИКОВ ЕГОР СЕРГЕЕВИЧ

**ТРАДИЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. ВОЛОШИНА**

Специальность – 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
филологического факультета Российского университета дружбы народов
(Москва).

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Пинаев Сергей Михайлович**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Гавриков Виталий Александрович**,
*профессор кафедры менеджмента государственного и муниципального
управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации*

кандидат филологических наук **Таран Евгений Григорьевич**,
ведущий редактор издательства «АСТ»

Ведущая организация: Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Защита диссертации состоится 28 апреля 2017 г. в 15-00
на заседании диссертационного Совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов по адресу:
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, ауд.730.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского
университета дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и
<http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Анна Евгеньевна Базанова

Общая характеристика работы

Фигуры Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина нечасто упоминаются литературоведами в одном типологическом ряду. Разные эпохи жизни и творчества, несопоставимые жанры и стили, специфические особенности мировосприятия – всё это мешает увидеть в М. А. Волошине прямого наследника нравственно-эстетических принципов Ф. М. Достоевского. Разделённые несколькими десятилетиями, оба мыслителя, тем не менее, смогли не только сберечь, но и облагородить лицо России, что особенно проявилось в период междоусобицы начала XX в. Именно в эти страшные годы духовного ослепления русского народа их произведения оказались наиболее актуальными и востребованными.

Отношение к революции как маскараду, «одной из современных фальшей» русского общества, роднит идейно-художественные и этические программы писателя-прозаика и поэта в достаточной степени, чтобы можно было вполне уверенно говорить о своеобразном синтезе политических и религиозных воззрений обоих мыслителей.

Важной точкой соприкосновения произведений обоих авторов служит отношение к нигилистическим и революционным течениям как к «бесовщине», или добровольному разрушению нравственно-религиозных устоев общества.

Недаром в 1905 году М. А. Волошин оставляет в своём дневнике весьма характерную запись: «...в конце концов, единственное, что соединяет меня с Россией, — это Достоевский. Может быть, потому что я его дольше всего отражал в себе».

Предметом исследования служит анализ и сопоставление художественного и публицистического творчества Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина.

Актуальность исследования определяется тем, что влияние художественного и публицистического творчества Ф. М. Достоевского на идейно-художественные концепции М. А. Волошина в литературоведении практически не изучено.

Безусловно, существует небольшой ряд работ, в которых оба писателя сравниваются в качестве идеологических союзников, но вопрос о прямом усвоении идей Ф. М. Достоевского М. А. Волошиным в них практически не поднимается.

Характерным примером можно назвать работы В. М. Купченко «Ф. Достоевский и М. Волошин» из восьмого тома серии «Достоевский. Материалы и исследования» 1988 г. и Л. В. Сыроватко «Мотивы Достоевского в книгах стихов Максимилиана Волошина и Игоря Северянина» из пятнадцатого тома этой же серии. В обеих статьях действительно поднимается

вопрос о влиянии Достоевского на Волошина, но всё же не выявляется та *фундаментальная* роль, которую творчество Ф. М. Достоевского играло в формировании мировосприятия Максимилиана Волошина.

Таким образом, актуальность диссертационной работы обусловлена недостатком значительных исследований, посвящённых идейно-художественным концепциям, которые М. А. Волошин унаследовал у Ф. М. Достоевского. Благодаря этому настоящая работа может стать плодотворной почвой для дальнейшего изучения творчества М. А. Волошина и его связей с литературным наследием Достоевского.

Отдельно стоит сказать и об актуальности комплексного исследования творчества М. А. Волошина. В настоящее время в отечественном литературоведении творческое наследие М. А. Волошина разработано лишь частично: долгое время важность исследования поэтического и публицистического творчества автора для понимания историко-культурной обстановки начала XX в. замалчивалась, сводилась к бесплодной «поэтизации» русского духа или рассматривалась в отрыве от контекста эпохи. Уже упомянутый выше вопрос о философско-религиозных взглядах Ф. М. Достоевского, послуживших своеобразной платформой для произведений М. Волошина революционного и послевоенного периодов, в критике и литературоведении практически не поднимался.

Соответственно, настоящая работа отвечает на актуальные вопросы литературоведения не только в плане сопоставления творчества М. А. Волошина и Ф. М. Достоевского, но и с точки зрения изучения творчества М. А. Волошина в целом.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить соотношение религиозных, историософских и философских взглядов Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина, определить близость их идейно-художественных концепций и доказать, что М. А. Волошин унаследовал многие творческие постулаты Ф. М. Достоевского. Вместе с тем, исследование должно обозначить и различия в вышеприведённых аспектах (художественных, историософских, религиозных и философских), тем самым установив темы и мотивы, воспринятые Волошиным из работ Ф. М. Достоевского, однако пережившие эволюцию и интерпретированные иначе, чем в художественно-публицистическом творчестве писателя XIX в.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать религиозно-философские взгляды Ф. М. Достоевского на основе романа «Бесы», статей «Дневника писателя» и личной переписки, а также воспоминаний современников. Выявить окончательное подтверждение этих взглядов в итоговом романе «Братья

Карамазовы».

2. Рассмотреть тему усобицы и «бесовщины» в художественно-публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина.

3. Произвести анализ религиозно-философских взглядов М. А. Волошина, основываясь на материалах книги «Неопалимая Купина» и других поэтических произведениях разных лет, статье «Пророки и мстители. Предвестия Великой революции», лекциях «Россия распятая» и «Отцеубийство в античной и христианской трагедии (братья Карамазовы и Эдип-царь)».

4. Показать сходство в воззрениях Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина относительно мессианской роли России в возрождении христианских традиций в Европе.

5. Рассмотреть пути преодоления «бесовщины», предлагаемые Ф. М. Достоевским и М. А. Володиным.

6. Отметить расхождения в историософских, религиозных и философских мотивах, унаследованных М. А. Володиным от Ф. М. Достоевского, однако переживших эволюцию в художественно-публицистическом творчестве М. А. Волошина.

7. Выявить специфические особенности историософских концепций, разработанных в произведениях Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют труды отечественных и зарубежных исследователей Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина. В ходе написания диссертации были изучены биографические и литературоведческие материалы о Ф. М. Достоевском второй половины XIX – начала XX в., сборники статей и исследований о Достоевском 1920-30 гг. (под редакцией В. С. Гроссмана, А. Л. Бема, А. С. Долинина), «Достоевский. Материалы и исследования», т. 1-19, «Достоевский и мировая культура», т. 1-22, работы Э. Розенталя, В. С. Гроссмана, Г. М. Фридлендера, С. В. Белова, критиков и писателей начала XX в., а также современные исследования о Достоевском и Волошине, в их числе – И. Л. Волгина, В. Н. Захарова, Т. А. Касаткиной, В. П. Купченко, А. В. Лаврова и С. М. Пинаева.

В диссертации используются описательно-аналитический и сравнительно-исторический **методы исследования**. Анализ мифопоэтики текстов проводился с опорой на труды С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова и других.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении религиозно-философских взглядов Ф. М. Достоевского в их соотношении с ключевыми положениями историософской концепции М. А. Волошина на материале художественных произведений, статей и дневниковых записей

писателей.

Практическая значимость состоит в том, что материалы настоящего исследования могут быть использованы при разработке общих курсов по истории русской литературы второй половины XIX – начала XX в., а также спецкурсов по творчеству Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина.

Научная новизна определяется тем, что впервые в отечественном литературоведении предметом специального исследования становится сопоставление идейно-художественных и философских связей между произведениями Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина.

На защиту выносятся следующие положения:

- Художественное и публицистическое творчество Ф. М. Достоевского оказало непосредственное влияние на мировоззрение М. А. Волошина, который признавался, что личность Достоевского он «дольше всего отражал в себе».

- Многие поэтические и публицистические творения М. А. Волошина перекликаются с произведениями Ф. М. Достоевского на философском, историософском, лексическом и религиозном уровнях. В частности, это подтверждается большим количеством цитат из работ Ф. М. Достоевского, а также статьями, посвящёнными его творчеству.

- Ф. М. Достоевский и М. А. Волошин восприняли современные им нигилистические и революционные настроения как нарушение нравственно-религиозных устоев общества.

- Ф. М. Достоевский в значительной степени раскрыл для Волошина «надрыв и смуту наших дней», то есть суть революционных событий начала XX века, и навёл его на мысль о возможности своеобразного исторического катарсиса в России.

- Вслед за Достоевским Волошин исследует феномен «бесовщины» в российской истории и полагает, что вера в Бога, в царство Христово означает и веру в сокровенный смысл всех страданий, унижений, испытаний, выпавших на долю человека и всей страны в целом.

- Любовь ко всему сущему и чувство вины перед всеми и каждым – такой рецепт «исцеления», отталкиваясь от философии Достоевского, предлагает Волошин.

- Как и Достоевский, Волошин был убеждён, что Россия «должна идти к религиозной революции, а не к социальной». Цель – духовное «преображение личности».

- Ф. М. Достоевский и М. А. Волошин были убеждены в «мессианской» роли России. По мысли Достоевского, главным назначением русского народа в судьбе человечества всегда было и остаётся сохранение божественного образа Христа «во всей чистоте», с тем чтобы в надлежащее время явить его миру,

«потерявшему пути свои». Именно в этом, по убеждению Волошина, заключается сущность и назначение «славянством затаённого огня».

Структура: диссертация изложена на 189 страницах печатного текста и состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** определена актуальность и новизна исследования, установлены цели и задачи, необходимые для их достижения, охарактеризованы объект и предмет изучения, обоснована теоретико-методологическая основа и сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Истоки русской революции в творчестве Ф. М. Достоевского»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Особенности изображения человеческой психологии в творчестве Ф. М. Достоевского»** доказывается, что в своём творчестве Ф. М. Достоевский проводит чёткую границу между собственным мнением и мировоззрением своих героев. Последнее необходимо для более полного понимания религиозных, идеологических и даже политических взглядов Достоевского, которые могут существенно отличаться от тех, которые он приписывает своим персонажам. Не случайно в критической литературе встречаются ошибки, связанные с неразграничением авторского мнения в произведениях Ф. М. Достоевского и мировоззрения его героев.

Понимание этой границы следует учитывать при анализе системы образов романа «Бесы», раскрывающего, в первую очередь, конфликт мировоззрений, а также некоторых других произведений Ф. М. Достоевского.

Достоевскому свойственно находить прототипы своих персонажей среди реально существующих лиц, а разрабатываемые в произведениях ситуации соотносить с событиями действительной жизни.

В этом же параграфе речь идёт об интересе М. А. Волошина к психологии русского человека (в частности – революционера). Стремление к демонстрации настоящего облика «бесов» через художественное воспроизведение конкретных лиц и реальных событий роднит его с Ф. М. Достоевским.

Однако если Ф. М. Достоевскому свойственно чуткое изображение человеческой психологии в её изменении (смене эмоциональных порывов, настроений, фигур речи), то М. А. Волошин раскрывает душу человека в миг озарения или откровения. С другой стороны, Ф. М. Достоевский старается представить человека как общий тип, иногда даже *архетип*, характерный для

всей человеческой цивилизации. Это порождает любопытный парадокс: изображая человека разными, а подчас даже противоположными методами (динамические изменения в прозе Ф. М. Достоевского, краткий миг откровения в поэзии М. А. Волошина), оба художника стремятся показать суть персонажа как живого, мыслящего человека со своим взглядом на происходящее, которое может и не совпадать с позицией его автора.

Второй параграф **«Предвосхищение русской революции в творчестве Ф. М. Достоевского»** посвящён непосредственно произведениям Достоевского, выражающим его взгляды на нигилистические тенденции, в которых автор усматривает отказ от религиозных устоев.

Для литературного общества второй половины XIX в. одним из ключевых философских вопросов представлялось зарождение нигилизма. На этом фоне особый интерес вызывали романы антিনিгилистического толка – «Некуда» (1864 г.) и «На ножах» (1870—1871 гг.) Н. С. Лескова, «Марево» (1864 г.) В. П. Ключникова, «Скрежет зубовный» (1878 г.) В. Г. Авсеенко, «Марина из Алого рога» (1873 г.) Б. М. Маркевича, «Кровавый пуф» (1875 г.) В. В. Крестовского, «Взбаламученное море» (1863 г.) А. Ф. Писемского, «Бродящие силы» (1867 г.) В. П. Авенариуса.

Долгое время в этом же ряду рассматривался и роман «Бесы», так что даже вполне расположенные к Ф. М. Достоевскому критики не оставляли попыток взвесить идейное содержание «Бесов» на политических весах. Масла в огонь подливало и признание самого Достоевского, который писал критику Н. Н. Страхову о том, что он собирается создать роман из жизни русских революционеров. Это признание повлекло за собой череду догадок о прообразах ключевых персонажей «Бесов». Не сразу – и главным образом уже после смерти автора – стали довольно робко высказываться мысли о том, что в сердце романа положена, в первую очередь, религиозная драма, борьба атеизма и веры, и что нигилизм в нём присутствует скорее как *выразитель* этой борьбы, а не как объект осуждения автора.

В числе первых критиков, заговоривших об аполитичном характере этого, казалось бы, антিনিгилистического романа, особенно стоит отметить С. Н. Булгакова, Д. С. Мережковского и Вяч. И. Иванова. Глубоко религиозный характер русской революции, отражённый в романе, неоднократно подчёркивает Н. А. Бердяев: «Левые круги наши увидели тогда в “Бесах” карикатуру, почти пасквиль на революционное движение и революционных деятелей. “Бесы” были внесены в index книг, осуждённых «прогрессивным» сознанием. Понять всю глубину и правду “Бесов” можно лишь в свете иного сознания, сознания религиозного; эта глубина и эта правда ускользает от

сознания позитивистического»¹.

В этом параграфе рассматривается история создания романа «Бесы» и последовательно раскрывается формирование авторской мысли. Важно отметить, что Ф. М. Достоевский видел в революционных течениях второй половины XIX в. не социополитическую борьбу и не отстаивание каких-либо идеалов вообще, а духовное безразличие – «универсальный скепсис».

В романе «Бесы» Ф. М. Достоевский характеризует само явление «бесов» как людей, одержимых идеями, оказывающими разрушительное воздействие на общественные устои. Это явление приобретает терминологический характер, актуализируется в начале XX в. и многократно используется в творчестве М. А. Волошина, включая публицистические работы поэта.

Работая над романом, Ф. М. Достоевский пытается выразить саму суть православия. В этой связи особое значение приобретает эпизод, в котором Шатов делится своими соображениями со Ставрогиным, напоминая о его же собственных воззрениях: «Цель всякого движения народного... есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного». В конце этого рассуждения звучит мысль, которую разделял и сам Достоевский: «Единый народ «богоносец» – это русский народ»².

В мировоззрении Достоевского прежняя формула «русский народ весь в православии» претворяется, образуя новую: «Всё православие – в русском народе». Ошибка Шатова заключается в выводе, к которому он приходит по мере развития своих воззрений: начиная одно из признаний в беседе со Ставрогиным со слов «Я верую в Россию, я верую в православие», он заканчивает её утверждением «я буду веровать в Бога», то есть словами, недопустимыми для православного человека в интерпретации самого Достоевского.

В этом, по мнению Ф. М. Достоевского, и кроется оправдание бесов. В православие можно верить, не веруя в Бога. Большая заслуга Ф. М. Достоевского – в том, что он обнажил глубину русского нигилизма, причём нигилизма в значительной степени *неосознанного*, то есть нигилизма как отсутствия веры.

¹ Волошин М. Лики творчества / под ред. Мануйлова В.А., Купченко В.П., Лаврова А.В. – Л.: Наука, 1988 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0510.shtml

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т.10. – Л., Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 238–240.

Таким образом, точку опоры в преодолении расколов русского самосознания Ф. М. Достоевский, как позднее и М. А. Волошин, видит в признании атеистических корней революции.

Отдельно стоит заметить, что в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский поднимает вопрос о нигилизме как всемирно-историческом явлении, а не отдельной ситуации, сложившейся ко второй половине XIX в. В центре внимания поздних статей «Дневника писателя» оказываются размышления Достоевского о мессианской роли России.

Ф. М. Достоевский искренне верил, что в чистом виде христианство сохранилось лишь в православии. В своих статьях он прямо называет славянство новой стихией и новым «элементом» человечества. Достоевский был убеждён в том, что интересы России связаны с возрождением христианства не только на территории своей страны, но и за её пределами, по всему миру. В статье «Примирительная мечта вне науки» Ф. М. Достоевский утверждает, что «Россия, вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения»³. В статье «Три идеи» он дополняет эту мысль, утверждая, что «идея славянская [есть] грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы».

Необходимо отметить, что любовь к русской земле и вера в мессианскую роль России пронизывают значительную часть творчества М. А. Волошина. В глазах поэта, «вся Русь — это Неопалимая Купина, горящая и несгорающая сквозь все века своей мученической истории». Так же, как Ф. М. Достоевский, Максимилиан Волошин обращает внимание на иррациональность и «буйство» русского человека.

Вторая глава **«Своеобразие пути России в творчестве М. А. Волошина»** посвящена непосредственно произведениям Максимилиана Волошина в революционный период, когда перед ним стояли вопросы об историческом пути России и её будущем. М. А. Волошин сравнивает русскую революцию с крестным путём Иисуса Христа. В то же время, он глубоко верит, что, подобно библейскому Спасителю, после распятия Россия сможет возродиться в новом, одухотворённом качестве. М. А. Волошин принимает термин «бесы», введённый в употребление (относительно революционных течений второй половины XIX в.) именно Ф. М. Достоевским.

На основе анализа множества стихотворных и публицистических

³ *Достоевский Ф.М.* Статьи и материалы. Под редакцией А. С. Долинина. – СПб.: Мысль, 1922. С. 21.

произведений М. А. Волошина установлено, что Волошин отразил и развил в своём творчестве многие идеи Ф. М. Достоевского о нигилизме как кризисе духовного самосознания и отрицании русским народом своих религиозных корней. Примечательно, что религиозно-философские искания Волошина проходят в один из самых кровавых периодов эпохи. Фактически М. А. Волошин сталкивается с революционной деятельностью тех «бесов» (в терминологии Достоевского и Волошина – людей, фанатично одержимых антинародными и антирелигиозными идеями), появление которых за несколько десятилетий до этого предсказывал Ф. М. Достоевский.

В революционный период философия М. А. Волошина всё больше наполняется христианско-мифологическим смыслом. Размышляя над социальными потрясениями, всколыхнувшими русское общество начала столетия, Волошин всё чаще вспоминает о Граде Божьем, «сказочном» Китеже, скрытом от «татар». Путь в этот город также возможен лишь через духовное возрождение.

Важное место во второй главе занимает анализ книги «Неопалимая Купина», позволяющий выявить ряд художественных и философских концепций М. А. Волошина. Так, в ветхозаветном образе Неопалимой Купины поэт сравнивает Россию революционного периода с горящим, но несгорающим символом духовного возрождения. В дополнение к этому, русский народ уподобляется в творчестве М. А. Волошина богоизбранному племени, которое пошло вслед за Моисеем и лишь ценой колоссальных физических и духовных испытаний сумело обрести свободу.

Как и Ф. М. Достоевский, Максимилиан Волошин неоднократно подчёркивает, что любой из революционеров может отказаться от своей «бесовской» идеи и обратиться к свету. Каждый человек, включая анархистов и революционеров, обладает великим добродетельным потенциалом. Следовательно, у каждого из них есть возможность искупить свои грехи.

М. А. Волошин относится к революционерам как к носителям «маскарадных псевдонимов»: нравственная бесовщина охватывает все политические и религиозные фракции. Фактически бесовщина в трактовке М. А. Волошина становится социокультурным явлением, которое проявляется одинаково разрушительно для общественных устоев, несмотря на различия в политических, философских, религиозных и других воззрениях отдельных «бесов». Подобный взгляд аналогичен позиции Ф. М. Достоевского, который считал «бесовщину» однородным явлением, не изменяющимся в зависимости от индивидуальных воззрений нигилистов и революционеров и оказывающим одинаковое воздействие на современное общество.

В творчестве М. А. Волошина любовь к русской земле неразрывно связана с верой в её мессианскую роль: поэт убеждён, что, преодолев нигилистические настроения, Россия явит всему миру сущность «славянством затаённого огня». Великую веру русского народа Волошин называет «правдой» России, которая «воссияет» уже в обозримом будущем, что также связывает его представление о предназначении России с философско-религиозными взглядами Ф. М. Достоевского.

Теме прямого влияния Ф. М. Достоевского на мировоззрение и творчество М. А. Волошина посвящена третья глава, озаглавленная **«Идейно-философское наследие Ф. М. Достоевского в мировосприятии М. А. Волошина»** и разделённая на три параграфа.

В первом параграфе третьей главы, **«“Бесы” и “бесовщина” в поэзии и публицистике М. А. Волошина»**, основное внимание уделено развитию взглядов Волошина на революционные события XX в. как на сбывающееся пророчество Ф. М. Достоевского. Приведены цитаты из статей, лекций и стихотворений М. А. Волошина, в которых поэт воспринимает современные ему события именно как «бесовщину», предзнаменования которой ещё во второй половине прошлого века отмечал Достоевский. Рассматривается статья М. А. Волошина «Пророки и мстители. Предвестия Великой революции», а также лекции «Россия распятая» и «Отцеубийство в античной и христианской трагедии (братья Карамазовы и Эдип-царь)». М. А. Волошин видит в революции отцеубийство, метафорически сопоставляя его с убийством Фёдора Карамазова.

В результате анализа публицистического творчества писателя установлено, что, по твёрдому убеждению М. А. Волошина, зло сокрыто не в идеалах, к которым стремятся русские революционеры, а в тех путях, которыми эти новоявленные «бесы» идут к достижению иллюзорной свободы. Происходит подмена идеалов и методов, подлинная борьба за «народное освобождение» сменяется «кровью по совести».

Из личной переписки поэта хорошо видно, что М. А. Волошин, как и Достоевский, верит в ритуализированность отечественной революции. По его мнению, любой политический или культурный деятель тех лет мог стать целью террористического движения не по своим убеждениям, но по своему статусу человека, смерть которого может способствовать укреплению атмосферы ужаса и насилия в стране.

Во втором параграфе, **«Мотив подвижничества в творчестве Ф. М. Достоевского и М.А. Волошина»**, представлены свидетельства тому, что в произведениях обоих авторов путь распятия означает дорогу не только к смерти, но и к последующему воскрешению. Подобно тому, как смерть на Голгофском кресте сменяется новой, божественной жизнью Спасителя и зарождением великой веры, духовные испытания России также должны вдохнуть жизнь в утраченную русским народом веру.

Ф. М. Достоевский часто изображает раскаявшихся «бесов» – Раскольникова, Шатова, а в черновых записях к «Бесам» даже Ставрогина – как бывших нигилистов, которые видят путь к искуплению своих грехов через самоотверженную любовь к народу. Аналогичным образом М. А. Волошин неоднократно обращается к образам протопopa Аввакума, Серафима Саровского, Сергия Радонежского и даже католического святого Франциска Ассизского, изображая их как людей, преодолевших себя в периоды жизненных изломов и обретших любовь к человечеству после длительного страдания.

По мнению М. А. Волошина, даже в «бесах» может быть не меньше христианства, чем в мучениках первых веков (современного ему революционера поэт уподобляет «пленному ангелу в дьявольской личине»). Однако только отринув свои разрушительные идеалы и преобразовав их в себе «смиренной любовью», грешник способен присоединиться к духовному подвижничеству избранных и святых. М. А. Волошин регулярно использует цитаты из творчества Ф. М. Достоевского и называет разрушительное начало русского человека «карамазовским», заодно противопоставляя идеалу духа «карамазовскую плоть».

По убеждению обоих писателей, торжество добродетели над кровожадной мстительностью и пороком не должно угасать даже под угрозой жизни.

В третьем параграфе **«Историософские мотивы в поэзии М. А. Волошина»** проводится анализ историософских исканий Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина. Конкретную историческую революцию Ф. М. Достоевский и М. А. Волошин видят как одно из проявлений более глобального антинародного и антирелигиозного бунта.

М. А. Волошин и Ф. М. Достоевский убеждены в том, что религиозно-революционная «бесовщина» свойственна русскому народу испокон веков. В стихотворениях М. А. Волошина «Dmetrius-Imperator», «Стенькин суд», «Дикое поле», «Китеж», «Святая Русь» смута гражданской войны предстаёт не новым политическим конфликтом, а застарелой духовной болезнью, уходящей корнями в Смуту историческую. При анализе стихотворений, посвящённых

французской революции, обнаружены тематические ассоциации с публицистикой Ф. М. Достоевского.

Схожесть взглядов М. А. Волошина и Ф. М. Достоевского подкрепляется аналогичными высказываниями Ф. М. Достоевского об историческом характере русской смуты и неизбежности духовного перерождения мира. Говоря о революции начала XX в. как о духовной наследнице исторической смуты, М. А. Волошин фактически развивает идеи, ранее сформулированные Ф. М. Достоевским.

Важно отметить и характерное расхождение писателя и поэта во взглядах на будущее России. Между воззрениями двух мыслителей на грядущий Апокалипсис существует одно принципиальное различие. В то время как в восприятии М. А. Волошина Апокалипсис неизбежен, однако его наступление приводит к воцарению нового духовного миропорядка, Ф. М. Достоевский верит, что нравственное возрождение мира возможно только тогда, когда бесы откажутся от своей одержимости пагубными идеалами и обратятся к Богу.

В заключении подводятся итоги исследования, которые устанавливают высокую степень влияния творчества Ф. М. Достоевского на мировоззрение М. А. Волошина. Нельзя не отметить сходство важнейших идейно-художественных концепций М. А. Волошина и Ф. М. Достоевского на религиозном, историософском и философском уровнях. В работе отмечено большое количество прямых цитат и лексических пересечений с творчеством Ф. М. Достоевского в статьях и стихотворениях М. А. Волошина. Проанализированы художественные и публицистические произведения М. А. Волошина, непосредственно развивающие идеи Ф. М. Достоевского и адаптирующие их к реалиям современной Волошину эпохи.

Прослежена эволюция самого явления «бесов», начиная с романа Достоевского вплоть до его интерпретации в художественном и публицистическом творчестве Волошина. Автор романа понимает «бесов» как людей, одержимых идеями, оказывающими разрушительное воздействие на общественные устои. Отсутствие веры и проповедь атеизма являются той благодатной почвой, на которой, по мнению писателя, произрастают революционные идеи. Волошин вслед за Достоевским утверждает, что в революционной вакханалии виновны вселяющиеся в человека «бесы», «трихины». В основе «бесовщины» – «русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии». Для Достоевского было важно, что эта «болезнь» захлестывает все слои общества. Соответственно и у Волошина речь идёт о «безумии целых рас», огромных социальных групп, «красных» и «белых». Однако, по мнению Волошина, современные ему бесы скрываются за «маскарадными псевдонимами», подменяя идеалы революции и борьбы за

свободу стремлением к освобождению от «всяких нравственных сдержек».

В восприятии М. А. Волошина феномен анархии и революции метафорически отождествляется с истязаниями Христа. Отказываясь от прежних моральных устоев, «бесы» пытаются уничтожить духовную сущность России как христианской цивилизации, которой, по мнению поэта, в будущем предстоит выполнить мессианское предназначение и изменить судьбу всего мира. Аналогия с распятием Христа подкрепляется тем, что, по убеждению М. А. Волошина, «физическая» гибель России со временем должна возродить утраченную русским народом веру: «...истлей Россия, / И царством духа расцвети!»

Ф. М. Достоевский считал, что даже великий грешник может найти спасение в искренней любви к человечеству. Так и М. А. Волошин убеждён, что в каждом из «бесов» потенциально скрывается великая вера, неосознаваемая или даже отвергаемая им самим. Анархист, революционер, разбойник способен отринуть ложные догмы, обратиться к христианскому вероучению и стать святым подвижником («В каждом Стеньке – святой Серафим»). В этом преображении М. А. Волошин видит путь к возрождению духовной сущности России, к избавлению от самого феномена «бесовщины».

Исходя из сопоставления программных произведений Достоевского и Волошина, можно сделать вывод, что тема мессианского предназначения России, вера в интуитивное восприятие православия русским народом близки обоим писателям.

М. А. Волошину, как и Ф. М. Достоевскому, было свойственно предчувствие близящегося Апокалипсиса, открывающего эру духовного очищения, нравственного перерождения человечества. Не случайно поэт задумывается о Граде Господнем, путь к которому – «вся крестная, страстная история человечества».

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях.

Публикации в журналах, рецензируемых ВАК:

1) *Е. С. Мельников*. Мотив русской революции в сборнике М. А. Волошина “Неопалимая Купина”. // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: литературоведение, журналистика. 2015, №4. С. 21-28.

2) *Е. С. Мельников*. Непонятый Достоевский: “Субъективизм в творчестве великого писателя”. // Вестник ОМГПУ. Серия: литературоведение, журналистика. 2016, №2 (11). С. 72-76.

3) *Е. С. Мельников*. Особенности восприятия революции в творчестве Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: литературоведение, журналистика. 2016, №3. С. 7-14.

4) *Е. С. Мельников*. Исторический мотивы в творчестве М. А. Волошина // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: литературоведение, журналистика. 2017, №2.

Публикации в других журналах и сборниках:

6) *Е. С. Мельников*. Политика террора в стихотворениях М. А. Волошина. // Актуальные проблемы современного литературоведения: сборник научных статей аспирантов. Выпуск 5. — М.: РУДН, 2014. — С. 48-52.

6) *Е. С. Мельников*. “Жест есть движение сердца...” (невербальные средства коммуникации в романе Ф. М. Достоевского “Идиот”) // Актуальные проблемы современного литературоведения: сборник статей молодых учёных. — М.: РУДН, 2010. / Научный редактор А. Г. Коваленко, ответственный редактор В. П. Голубкова. Стр. 129-137.

7) *Е. С. Мельников*. Традиции Ф.М. Достоевского в творчестве М.А. Волошина. // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Статьи и материалы пятой международной научной конференции. Том 1. Санкт-Петербург, Государственная Полярная Академия, 20-21 февраля 2013 г. / Ответственный редактор С. Э. Зарунский. — Санкт-Петербург: Государственная Полярная Академия, 2013. Стр. 38-42.

МЕЛЬНИКОВ ЕГОР СЕРГЕЕВИЧ (РОССИЯ)

Традиции Ф. М. Достоевского в творчестве М. А. Волошина

В диссертации сопоставляются произведения Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина с опорой на тему религиозного нигилизма второй половины XIX – начала XX в. Выявлено сходство религиозных, историософских и философских взглядов Ф. М. Достоевского и М. А. Волошина. Установлены темы и мотивы, воспринятые Волошиным из работ Ф. М. Достоевского, однако пережившие эволюцию и интерпретированные иначе, чем в художественно-публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского.

MELNIKOV EGOR (RUSSIA)

The traditions of F. M. Dostoevsky in the creative works of M. A. Voloshin

The dissertation examines the works of F. M. Dostoevsky and M. A. Voloshin via comparison of their views on the nihilistic tendencies of the second half of XIX – first decades of XX centuries. The dissertation reveals religious, historical and philosophical views of F. M. Dostoevsky and M. A. Voloshin and determines motives and themes, inherited by M. A. Voloshin, but given new forms and interpretations in his creative works.